

УДК 101.9

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ХАЙДЕНА УАЙТА И ДОМИНИКА ЛАКАПРЫ¹

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Отличительными чертами интеллектуальной истории Х. Уайта и Д. ЛаКапры являются признание активной роли языка, текстов, нарративных структур в процессе создания и описании исторической реальности, а также использование новой литературной критики как возможной методологии анализа. Анализ Х. Уайтом исторических нарративов во многом ориентирован на выявление их структурных характеристик. Д. ЛаКапра, напротив, указывает на противоречивые тенденции в текстах или контекстах, которые бросают вызов всем историографическим попыткам объяснить данные реалии с позиции полной согласованности.

Ключевые слова: *интеллектуальная история, нарратив, лингвистический поворот, дискурс, тропы, риторика, метаистория.*

Интеллектуальную историю отличает особое внимание, уделяемое комплексным письменным текстам и проблемам, связанным с исследованием взаимоотношений между текстом и различными контекстами, а также значением, его производством и распространением в различных исторических эпохах. Значительный интерес в интеллектуальной истории привлекают классические тексты западной традиции, поскольку они не только предлагают интерпретативные модели, потенциально ведущие к исследованию историком его собственного времени и пространства, но и транслируют идеи, связанные с состоянием и положением человека в общем. Подобные тексты интересуют как Х. Уайта, так и Д. ЛаКапру, поскольку они позволяют проанализировать универсальный и определяющий для человека процесс – процесс создания значений. И Х. Уайт, и Д. ЛаКапра являются сторонниками лингвистического поворота, хотя первый предпочитал относить свои работы к области дискурсивного поворота, а второй подразумевал под данным явлением обозначение практик во всех сложных и взаимодействующих формах.

До Х. Уайта исторические тексты никогда не были проанализированы как лингвистические «средства» производства исторического значения [2]. Одним из фундаментальных его трудов является «Метаистория», представляющая собой поворот в исторической мысли – от логики к риторике. Причины подобного перехода обусловлены длительной традицией лингвистического гуманизма, в рамках которого отмечаются этические измерения риторики и утверждается возможность выбора противоположного психологическому и социополитическому детерминизму [6, р. 25–28].

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века» № 17-33-00047.

Как отмечает ряд исследователей (например, Х. Келлнер [6], Э. Доманска [5]), в «Метаистории» на самом деле содержится несколько книг. Первая часть объясняет трансформации сознания от метафоры к синекдохе через метонимию. Во второй и третьей частях, посвященных иронии, анализируются стили мышления историков и философов истории. Тем самым основное содержание «Метаистории» связано с интересом Х. Уайта в области интеллектуальной истории. Во введении он объясняет методологические основы «Метаистории», представляя формалистскую теорию исторического исследования. Эта часть более поздняя и связана с обращением к литературному критицизму, а также структуралистским подходом. Тяготение к литературному критицизму соединяется с акцентированием внимания на важности проблем языка, риторики и теоретической саморефлексии в процессе написания истории. По сути, Х. Уайт ориентирован на то, чтобы преодолеть разграничение между теми, кто исследует историю и методологическими работами, посвященными написанию истории.

Значимость «Метаистории» для интеллектуальной истории подчеркивает Д. ЛаКапра. До появления данной работы интеллектуальная история во многом основывалась на строгом, если не формальном подходе, разделяемом Э. Кассирером и А. Лавджоем, результатом чего явилась редукция к поверхностным контекстуальным сообщениям, малоинтересующих представителей смежных дисциплин: «можно сказать, что сочинение Х. Уайта помогло заново открыть возможность мысли в интеллектуальной истории» [7, р. 72–73].

В «Метаистории» Х. Уайт осуществляет анализ историко-философских работ XIX в. – золотого века истории, выступающего в качестве теоретического основания идеологической позиции, на основе которой западная цивилизация рассматривает свои отношения с предшествующими и современными культурами. Он стремится концептуализировать поэтику исторического сочинения, понимаемую как определенный постоянный способ языкового использования, посредством которого объект исследования трансформируется в субъект дискурса [1, с. 509]. У историка есть возможность выбора среди различных типов фигурации, использующихся для воплощения серии событий и наделения их различными значениями. Но, как утверждает мыслитель, это не подразумевает под собой детерминизма. Типы фигурации и объяснения могут быть лимитированы, но их комбинации в каждом приведенном дискурсе являются неограниченными [10, р. 395].

При анализе исторических интерпретаций как вербальных структур, Х. Уайт предлагает использовать тропологию. Она представляет собой теоретическое объяснение вымышленного дискурса и способов, посредством которых различные тропы (метафора, метонимия, синекдоха и ирония) создают образы с помощью воображения. Тропология транслирует сознание в прошлую реальность, но при этом не является частью этой реальности сама по себе, а каждый троп предполагает культивирование уникального языкового протокола. Подобная теория метафорической трансформации выступает как модель для теории трансформации человеческого сознания в истории.

Историческое мышление XIX в., по мнению Х. Уайта, описывает полный круг: «от восстания против Иронического исторического мировоззрения позднего Просвещения к возвращению преобладания похожего». Именно Ирония обуславливает «теоретическую апатию лучших представителей совре-

менной академической историографии» и «восстание против исторического сознания вообще, которым отмечены литература, социальная наука и философия XX века» [1, с. 22–24]. Говоря о кризисе современной науки, Х. Уайт полагает, что спасение профессиональной историографии состоит в преобразовании исторической методологии и возвращении к тесным связям с литературой, искусством, поэзией, риторикой. Он отмечает, что репрезентации историков являются «литературными» (поэтическими и «риторическими»), т. е. отличными от научного дискурса [1, с. 32]. История, как научная дисциплина представляет собой воззрения относительно прошлого определенной группы людей, технику установления связей между прошлым и настоящим группы, дискурс, обеспечивающий связь между началом и концом. «Когда историки заявляют, что история – это комбинация науки и искусства, это, в общем, обозначает объединение достижений социальной науки кон. XIX в. и искусства сер. XIX в. И науку, и искусство XIX в. отличает докритическая концепция фактов, воспринимаемых как бесспорная атомарная базовая линии истории, конечная данность определенной системы отчета. Оба вида низводят интерпретацию до маргинального статуса, рассматривая ее как более или менее вероятный способ воображаемого заполнения пробелов в зафиксированном историческом повествовании... Оба вида основываются на относительно нерелексивном подходе к тропологическим смысловым структурам – первая ориентируется на схематические модели и метонимические причинные механизмы, а вторая – на воплощении событий в хронологически представленном повествовании» [12, р. 50–52]. То есть, история, на что неоднократно указывали Х. Уайт и Д. ЛаКапра, как правило, остается в границах литературной и научной парадигмы XIX в., в то время как литература и наука вышли далеко за рамки данного этапа развития.

Х. Уайт отмечает, что историческое знание – «это всегда знание второго порядка, то есть оно основано на гипотетических конструкциях возможных объектов исследования, требующих истолкования с помощью воображения и имеющих больше общего с “литературой”, чем с какой-либо иной областью» [1, с. 12]. В то же время, нельзя сказать, что история не имеет значения, скорее, она содержит в себе множество значений, так много, насколько позволяют нам потенциальные возможности и необходимость. Как и литература, история развивается по направлению создания «классики», другими словами, по пути создания принципиальных концептуальных схем. «Это позволяет говорить о литературной сущности исторической классики. В исторических шедеврах есть что-то, что не может быть отрицаемо, и этим является форма – повествование» [12, р. 89]. В таком типе дискурса как история, форма играет более важную роль, чем содержание. В очередь историчность объекта устанавливается посредством его описания в соответствии с правилами доказательств, превалирующими в сообществе историков в определенном времени и пространстве.

Основная проблема историка состоит в конструировании языкового протокола, выполненного в лексическом, грамматическом, синтаксическом и семантическом измерениях, и последующей характеристике поля и его элементов в терминах самого историка. Х. Уайт полагает, что историческое поле приобретает смысл, когда историк его префигурирует, т. е. создает его в своем воображении [1, с. 502–503]. Дискурсивные связи не являются логическими, они метафоричны, и этот поэтико-риторический компонент способствует нар-

равитизации. Одновременно Х. Уайт признает наличие логического компонента, отмечая, что формальные доказательства, выдвигаемыми для объяснения событий, состоят из комбинации логико-дедуктивных и тропологически-фигуративных компонентов [1, с. 8–9]. Различие между «правильной» историей и метаисторией скорее неясно. Метаисторический базис любого исследования представлен доминирующим тропологическим модусом и соответствующим ему языковым протоколом. На метаисторическом уровне история и спекулятивная философия истории обнаруживают общий исток в любой попытке понять смысл истории в целом. Следовательно, история и спекулятивная философия истории различимы только в средствах выражения, но не в содержании. В истории конструкция вытесняется во внутреннее повествование, а «полученные» данные занимают привилегированное положение. В спекулятивной философии на первый план выносятся концептуальная конструкция, которая систематически обосновывается посредством данных, используемых для иллюстрации или примера [1, с. 492–493].

Рефлексия Х. Уайта в границах лингвистического поворота в дальнейших работах («Тропики дискурса» и «Содержание формы») выражается в следующем: для достижения понимания исторического феномена, его стоит описывать скорее «литературно», нежели «научно», что подразумевает под собой возвращение к метафоре, фигурации и построению сюжета, отказ от буквальности, концептуализации и доказательства. По его мнению, интерпретация является сердцем историографии, следовательно, историки должны стремиться проникнуть в ее природу, импликации и позитивные возможности в реконструкции прошлого, в силу того, что опыт во всей его позитивистской «чистоте» является недостижимым в истории [7, р. 75].

Выбор сюжетной структуры лежит в основе исторической интерпретации событий, рассказываемой как способ объяснения того, что произошло в прошлом. Все исторические нарративы предполагают фигуративную характеристику событий, которые они стремятся репрезентировать и объяснить. Следовательно, исторические нарративы, рассматриваемые исключительно как вербальные элементы, могут быть охарактеризованы как тип фигуративного дискурса [12, р. 94].

Говоря о необходимости антропоморфизации в исторической рефлексии и обращаясь к утверждению Э. Бенвениста, что в нарративизированном дискурсе более не существует рассказчика, Х. Уайт обращается к проблеме среднего залога. Он применяется для обозначения явления, в результате которого действующие лица лично заинтересованы, либо в котором они принимают непосредственное участие – например, произнесение клятвы или жертвоприношение в Древней Греции. В среднем залоге субъект является внутренним по отношению к действию. Это позволяет использовать иной способ представления, описания, концептуализации взаимоотношений между агентами и действиями, субъектами и объектами, предложением и его референтом, между буквальным и образным уровнями речи, между фактическим и художественным дискурсом [11, р. 48–49]. Д. ЛаКапра, уделяя специальное влияние среднему залогу, как дискурсу, в котором субъект действия также является его объектом, называет его наиболее подходящим лингвистическим инструментом для преодоления травмы, поскольку оно делает травматический опыт доступным нам.

Вместе с тем, как представляется, говоря о среднем залоге как желаемом способе репрезентации, Х. Уайт не учитывает свое утверждение, что каждый исторический нарратив обладает скрытой или открытой целью морализовать события, о которых он повествует. Повествование с позиции Х. Уайта является как инструментом для обозначения смысла мира, так и политическим предприятием, поскольку в нем важно то, что люди говорят о событиях и каким образом выявляют их сущность. Д. ЛаКапра также убежден, что акт интерпретации имеет политические измерения, не являясь исключительно герменевтическим предприятием. Интерпретация вовлекает исследователя в критический процесс, являющийся одновременно протяженным и прерывным в рамках комплексных типов интеракции [9, р. 63].

Вопрос идеологического содержания повествования зависит от степени когнитивного влияния различных сюжетных историй, доступных в определенной культурной области, наделяющей реальные события определенным типом значения истории, а не когнитивной властью нарративного способа говорения о мире. Следовательно, идеологическое содержание специфической исторической точки зрения зависит не столько от типа дискурса, в котором оно описывается, сколько от доминирующей сюжетной структуры, выбранной для воплощения событий в признаваемом типе истории. Тесно связаны с идеологией морально-этические вопросы. Этическое отличается от морали, которая основывается на некотором догматизме, говоря, что делать или не делать в ситуации выбора. Чтобы рассматривать исторические события, необходимо акцентировать внимание, как на процессы привнесения упорядоченности в разрозненные события посредством сознания и воображения, так и на этически богатые традиции литературного выражения. Д. ЛаКапра, трактуя подобные утверждения как следствия узкого прочтения И. Канта, Ф. Ницше и Ж.П. Сартра, утверждает, что они ведут к упрощениям взаимосвязей между хаосом и нарративным порядком: «Я полагаю, что жизнь наполнена различными, временами конфликтующими тенденциями... и исторические сообщения являются сомнительными в той мере, в которой они формируют полностью согласованное повествование... Историография стремится наделять версии нарративов требованием истинности; интеллектуальная история стремится соотнести эти нарративы с процессами (включающими нарративный), имеющими место в текстах и других артефактах» [7, р. 80].

Д. ЛаКапра, как и Х. Уайт, стремится переосмыслить тексты и контексты прошлого. Но в то же время, его отличает выход за пределы представлений Х. Уайта и постоянное акцентирование внимания на дискуссионность и составительность толкований, которые бросают вызов как очевидному единству прошлого, так и очевидному порядку исторических нарративов, описывающих его. Д. ЛаКапра, следуя за Х. Уайтом, подчеркивает неизбежность использования историками описательных структур для определения специфики исторического знания. Оба мыслителя обращаются к литературной критике, позволяющей изучать языковые проблемы более углубленно и способствующей новому пониманию современной историографии, и появлению новой интерпретационной перспективы в отношении текстов и контекстов прошлого.

Д. ЛаКапра утверждает, что Х. Уайт разделяет с другими историками общее желание обнаружить надежную основу, которая бы объяснила, каким образом понимается историческая реальность. Большинство историков нахо-

дит эту реальность в социальном или политическом мире, но Х. Уайт обнаруживает ее в тропах, которые формируют историческое письмо. В целом, Д. ЛаКапра согласен с Х. Уайтом, полагавшим, что формализованные схемы являются необходимыми для интерпретации. В тоже время, с позиции Д. ЛаКапры, Х. Уайт пишет, что исследует историю сознания (и эта формулировка для него является предпочтительней, нежели история текста или использования языка в разнообразном контексте). Соответственно, язык и дискурс также рассматриваются преимущественно как инструменты или средства выражения сознания. И, по мнению Д. ЛаКапры, с этим с трудом согласуется обращение Х. Уайта к тропам [7, р. 76]. Но как представляется, Х. Уайта отличает восприятие тропов не как фигур речи, а скорее как фигур мысли, поэтому данное утверждение, в целом, коррелирует с его общей линией аргументации.

Статья «Абсурдные моменты в современной литературной теории» Х. Уайта также представляется Д. ЛаКапре достаточно спорной, поскольку основные действующие лица, «такие далекие как Пуле, Барт, Фуко и Деррида смешиваются и обсуждаются достаточно карикатурным способом». Наиболее жесткие оценки в данной статье получает Ж. Деррида. Д. ЛаКапра, в свою очередь, признает ценность деконструкции, поднявшей проблемы текста и риторики способом, «который одновременно утверждает стремления к систематизации, важные для классической традиции, и предоставляет основу для критического ответа на них» [7, р. 78]. И прочтение Ж. Дерриды в подобном ключе, как утверждает Д. ЛаКапра, могло бы быть полезным для Х. Уайта: «Те, вещи, которые обсуждает Деррида, находятся внутри Уайта. Они соотносятся с проблемами взаимоотношений между историей, дискурсом и текстом». Кроме того, теория Х. Уайта остается для Д. ЛаКапры «внутри той же системы отсчета, известной как “научные взгляды”, которую она перевернула вверх дном», поскольку основной принцип его теории – тропы, как основа риторики и повествования, являлся структуралистским и представил тропический уровень дискурса как определяющий в последней инстанции [4, р. 112].

На протяжении более двадцати лет Д. ЛаКапра отстаивал значимость интеллектуальной истории, акцентируя существенное внимание на важность переформулирования взаимоотношений между текстами и их контекстами и значимость используемого языка: «Если интеллектуальная история – это что угодно, – пишет он, – это история использования языка, конституирующего значимые тексты» [3]. Доминирование социальной и культурной истории в последние десятилетия приводит к осуждению тех, кто изучает сложные тексты западной традиции. Защищая интеллектуальную историю от обвинений в присущем ей консерватизме и элитарности, Д. ЛаКапра утверждает, что «высокие» культурные тексты часто дают революционные импульсы для изменения, и что консервативные тексты можно читать «против шерсти» в «радикальных» целях [4, р. 214].

В центре интеллектуальной истории стоят тексты, и Д. ЛаКапра, обращаясь к этимологии слова «текст», трактует его в расширенном смысле как текстуру или сеть взаимосвязей, вплетенных в проблему языка. Воплощение социальной или индивидуальной жизни как текста подразумевает обращение к метафоре. С одной стороны, метафора предоставляет возможность конституирования любого феномена в истории как абсолютно уникального и несопоставимого, но с другой стороны, метафора не подразумевает, что язык выступает

как область автономных дискурсивных практик одновременно направляя внимание к взаимоотношениям между различными языковыми использованиями и с действиями, которые они артикулируют [9, p. 23–24].

Переосмысление интеллектуальной истории осуществляется Д. ЛаКапрой посредством рефлексии относительно взаимоотношений текст–контекст. Это подразумевает под собой проблемы используемого языка, что снижает дихотомию между текстом и контекстом и подчеркивает их, по большей части, амбивалентную взаимосвязь. По мнению Д. ЛаКапры, историк работает преимущественно с контекстом и выстраивает текст во многом на его основе. В свою очередь, любое допущение, что один контекст или набор контекстов являются особо значимыми, должно быть четко сформулировано и аргументировано. Другой существенный вопрос состоит в том, как тексты согласуются с различными контекстами, поскольку даже стереотипные, шаблонные и вульгаризированные тексты не просто отражают или иллюстрируют контекст, но воспроизводят его с типическими легитимирующими идеологическими эффектами. Поэтому общий вопрос, который может быть задан для любого текста, заключается в том, как именно этот текст относится к разнообразным контекстам [8, p. 430–431].

Документальный подход, который по мнению исследователя, является основополагающим в истории, «отвлекает внимание от того, что исторические документы являются сами по себе текстами, которые «обрабатывают или перерабатывают реальность и требуют критического прочтения, выходящего за рамки традиционных филологических форм *Quellenkritik*» [3]. В целях преодоления определенных ограничений документального подхода, Д. ЛаКапра предлагает понятие «диалог», во многом основанного на идеях М.М. Бахтина, как методологический прием интеллектуального историка. Вопросы, связанные с диалогом и использованием языка, раскрывают текст для исследования его функционирования как дискурса и подразумевают необходимость интерпретации в его диалоге с повествованием.

Диалогические отношения подразумевают под собой, по крайней мере, две импликации, способствующие «смягчению» оппозиций между историком, историческим актором и прошлым. Прошлое не является простой законченной историей, которая рассказывается, но процессом, объединенным с собственным историческим временем повествования историка. Во-первых, это могут быть способы, посредством которых исторические акторы сами по себе включаются в попытки создания смысла посредством создания текстов или исторических документов. Во-вторых, возникает вопрос, связанный с декларируемым правом историка на роль всеведущего рассказчика, поскольку исследователи не знают, как все произошло на самом деле. Их знание является ограниченным, а подход к написанию истории является сам по себе включенным в непрерывный процесс. В-третьих, нарративы историка являются открытыми до определенной степени и подразумевают исследование альтернативных возможностей прошлого, которые являются ретроспективно. Стало быть, историки стремятся понять, что какое-либо явление значило в его «собственное историческое время», и пытаются определить, что оно обозначает в настоящее время. Наиболее привлекательными с точки зрения исследователя являются ситуации, в которых историческое значение явления и современные смыслы

расходятся друг с другом, поскольку именно в этой предельной точке диалог с прошлым становится внутренним по отношению к историку [9, p. 25–26].

Диалог с Другим, по мнению Д. ЛаКапры, обладает своим предметом и передает какую-либо информацию. Но как отмечали М. Вебер и Р.Дж. Коллингвуд, факт является актуальным только в отношении системы отчета, поставленной перед прошлым, а также зависит от способности исследователя задавать верные и продуктивные вопросы. М. Хайдеггер настаивал на том, что эти вопросы сами по себе находят в границах контекста или «жизненного мира». Следовательно, диалог представляет собой стремление интерпретирующего акцентировать внимание на наиболее проблематичных моментах текста и прошлого, и в «подобном процессе собственный горизонт вопрошающего трансформируется, поскольку он сталкивается со все еще существующими (но часто подчиненными и молчаливыми) возможностями, подталкивающими к исследованию прошлого» [9, p. 32].

Различные понимания интеллектуальной истории как истории текста дают возможность более убедительно сформулировать проблемы, связанные с дискурсом и языком. Призыв к контексту не дает универсальных ответов на все вопросы, возникающие при прочтении и интерпретации. Тексты обладают набором интерактивных контекстов, чьи взаимосвязи друг с другом являются переменными и проблематичными. Д. ЛаКапра последовательно анализирует шесть возможных контекстов (отношения между намерением автора и текстом; взаимосвязь между жизнью автора и текстом; отношение общества к тексту; отношение культуры к тексту; отношение текста к иным сочинениям автора; отношение между типами дискурса и текстом), которые являются наиболее значимыми в историографии [9, p. 35–36]. Д. ЛаКапра призывает интеллектуальных историков отказаться от понятия «контекст» в значении «простой объяснительной концепции», а скорее вопрошать, каким образом тексты и контексты вступают в отношения друг с другом.

Итак, отличительными чертами переосмысления интеллектуальной истории со стороны Х. Уайта и Д. ЛаКапры являются признание активной роли языка, текстов и нарративных структур в процессе создания и описания исторической реальности и использование достижений новой литературной критики, как возможной методологии анализа. Х. Уайт рассматривает проблемы повествования в истории, связи языка с исторической репрезентацией. Его концепция ориентирована на достижение лучшего понимания статуса исторических объяснений, формы, которую должна принимать историческая интерпретация, и роли истории в создании знания. Он обращается к достижениям литературной критики и указывает, что именно риторика и метаистория способствуют пониманию и признанию как самой истории, так и исторических нарративов. Х. Уайт стремился достичь уровня глубинной структуры, нивелирующей оппозицию между литературой и историей для того, чтобы понять, каким образом типы воплощения сюжета реализуются в нарративах, а также как тропы конструируют лингвистическое поле.

Анализ Х. Уайтом исторических нарративов во многом ориентирован на выявление их структурных характеристик. Д. ЛаКапра, напротив, указывает на противоречивые тенденции в текстах или контекстах, которые бросают вызов всем историографическим попыткам объяснить данные реалии с позиции полной согласованности. Другими словами, по мнению Д. ЛаКапры, историче-

ские повествования и объекты их исследования отражают внутренние сложности и «напряжения» и бросают вызов глубинным структурам философского и литературного порядка, который Х. Уайт обнаруживает в своем анализе исторического письма.

Д. ЛаКапра поднимает вопросы о статусе аналитических различий или структурных оппозиций, а также о том, каким образом подобные различия и оппозиции функционируют в тексте. Он постоянно подчеркивает важность диалогического обмена, связь между реконструкцией прошлого и диалогом, а также ситуативность диалога. По его мнению, исследователь всегда начинает с попытки понимания явлений или действий, которые уже находятся в определенном взаимодействии с окружающими их силами, и именно эти взаимодействия представляются важными для исследования и понимания явлений. В целом, модель интеллектуальной истории Д. ЛаКапры отличает акцент на диалогичность, которая актуальна для всех форм исторического исследования, поскольку возможности истории как объекта изучения всегда превышают потенциальные объясняющие структуры.

Список литературы

1. Уайт Х. Метаистория (Историческое воображение в Европе XIX века). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 528 с.
2. Ankersmit F.R. Narrative, an introduction [Electronic resource] // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) / edited by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press, 2009. Kindle Edition.
3. Clark E.A. History, Theory, Text: historian and the linguistic turn. [Electronic resource]. Cambridge: Harvard University Press, 2009. Kindle edition.
4. Cramer L.S. Literature, criticism, and historical imagination: the literature challenge of Hayden White and Dominick LaCapra // The New Cultural History / ed. by L. Hunt. Berkeley: University of California Press, 1989. P. 97–131.
5. Domanska E. Hayden White: beyond Irony [Electronic resource]. URL: <http://www.staff.amu.edu.pl/~ewa/Domanska-Hayden%20White-Beyond%20Irony.pdf> (дата обращения: 02.09.2018)
6. Kellner H. A bedrock of order: Hayden White's linguistic humanism // History and Theory. Vol. 19. № 4. P. 1–29.
7. LaCapra D. A Poetics of historiography: Hayden White's Tropic of Discourse // Rethinking intellectual history. Texts, Contexts, Language. Ithaca; London: Cornell university press, 1983. P. 72–83.
8. LaCapra D. Intellectual history and its ways [Electronic resource]. URL: <http://xroads.virginia.edu/~DRBR2/lacapra.pdf> (дата обращения: 05.05.2018)
9. LaCapra D. Rethinking intellectual history and reading texts // Rethinking intellectual history. Texts, Contexts, Language. Ithaca; London: Cornell university press, 1983. P. 23–71.

10. White H. An old question raised again: is historiography art or science? [Electronic resource]. URL: http://www.culturahistorica.es/hayden_white/historiography_art_science.pdf (дата обращения: 03.09.2018)
11. White H. Historical emplotment and the problem of truth // Probing the Limits of Representation. Nazism and the «Final Solution» / edited by S. Friedlander. L.; Cambridge; Mass: Harvard University Press, 1992. P. 37–53.
12. White H. Tropics of Discourse. Essays in Cultural Criticism. L.; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1978. 283 p.

HAYDEN WHITE'S AND DOMINICK LACAPRA'S INTELLECTUAL HISTORY

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

The distinguishing features of the intellectual history of H. White and D. Lacapra are the recognition of active role of language, texts, narrative structures in the process of creating and characterizing historical reality, as well as the use of new literary criticism as a possible research methodology. H. White's analysis of historical narratives is focused on identifying their structural characteristics. D. LaCapra on the contrary indicates contradictory tendencies in texts and contexts that questioned all historical and attempts to explain these phenomena from the standpoint of complete coherence.

Keywords: *intellectual history, narrative, linguistic turn, discourse, tropic, rhetoric, metahistory.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru.

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD, Senior Lecturer of the Dept. of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru.